

Интернет-публикации сектора современной западной философии. 2017. No 5.

Способ цитирования:

Джохадзе И.Д. Ранний Рорти: аналитический философ или прагматист? (Отклик на статью Е. Логинова «Прагматизм и неопрагматизм: реконструкция учения Дж. Дьюи у Р. Рорти») [Электронный ресурс] / Сектор современной западной философии. Дискуссионные материалы. 2017. No 5.

И. Джохадзе

Ранний Рорти: аналитический философ или прагматист?

(Отклик на статью Е. Логинова «Прагматизм и неопрагматизм: реконструкция учения Дж. Дьюи у Р. Рорти»)

В статье «Прагматизм и неопрагматизм: реконструкция учения Дж. Дьюи у Р. Рорти» Е. Логинов выдвигает ряд аргументов против общепринятого деления творчества Рорти на два этапа – ранний (аналитический) и зрелый (прагматистский). На самом деле Рорти, будучи прагматистом, только «на время воспользовался аналитическим стилем философствования» – как выражается Логинов, ввиду «карьерной необходимости» («нужно было следовать моде»)¹.

Автор статьи обращает внимание на то обстоятельство, что бóльшая часть текстов, вошедших в сборник «Следствия прагматизма» (1982), писалась Рорти в 70-е гг., следовательно, до публикации «Философии и зеркала природы» (1979). Например, доклад «Преодоление традиции: Хайдеггер и Дьюи» был зачитан на хайдеггероведческой конференции в 1974 г. «Уже поэтому, – считает Логинов, – неверно представление о том, что до 1979 г. Рорти работал исключительно в аналитическом жанре»².

С таким выводом можно согласиться лишь отчасти. Безусловно, философские темы, носившие, по выражению Логинова, «подрывной характер по отношению к аналитическому проекту», занимали Рорти и в 60–70-е гг. Об этом как нельзя лучше свидетельствует его переписка и архивные материалы³. Однако ни данное (само по себе справедливое) замечание, ни прочие доводы, приводимые Логиновым («социологический аргумент» и «аргумент от самоописания»), не опровергают принимаемой большинством исследователей периодизации творчества философа. Водоразделом между «ранним» и «поздним» этапами служит 1972 год (а вовсе не 1979 или 1982 гг.) – публикация статьи «The World Well Lost», в которой Рорти впервые заявил о приверженности идеям прагматизма Дьюи и подверг критике «декартово-кантовскую эпистемологическую традицию»⁴. В пользу этого мнения высказываются, в частности, Х. Патнэм⁵ и Ю. Хабермас⁶. Бесполезно отрицать, что до 1972 г. Рорти работал *почти* исключительно в «аналитическом жанре» (изданный уже после его смерти пятый том «Философских сочинений» – «Mind, Language

¹ Логинов Е. Прагматизм и неопрагматизм: реконструкция учения Дж. Дьюи у Р. Рорти // Вопросы философии. 2016. № 2. С. 193, 194.

² Там же. С. 195.

³ Если учесть, что названные темы (а именно: теория тождества, запрет на индивидуальный язык, лингвистический поворот и др.) входили когда-то в шорт-лист наиболее обсуждаемых в англоязычном университетском сообществе философских проблем, можно с уверенностью утверждать, что к «подрыву аналитического проекта» оказалось причастно абсолютное большинство профессиональных философов-аналитиков.

⁴ См.: Rorty R. The World Well Lost // Journal of Philosophy. 1972. Vol. 69. № 19. P. 649–665.

⁵ Putnam H. Richard Rorty // Proceedings of the American Philosophical Society. 2009. Vol. 153. № 2. P. 231.

⁶ Habermas J. In Memory of Richard Rorty // New Literary History. 2008. Vol. 39. № 1. P. 4.

and Metaphilosophy» – убедительное тому подтверждение). Кстати, Нил Гросс, на которого активно ссылается Логинов, выделяет, фактически, три (а не два) этапа творческой эволюции Рорти: *ранний* метафизический, *средний* аналитический и *поздний* прагматистский⁷. Сложно, однако, считать «этапом творчества» мыслителя период его ученичества, службы в армии и преподавания в колледже (1946–1961 гг.), в течение которого Рорти не опубликовал ни одной серьезной работы.

Социологический аргумент Гросса, к которому присоединяется Логинов, сводится к предположению, что относительно кратковременное, хотя и оставившее заметный след в философии США увлечение Рорти аналитизмом обусловлено исключительно конъюнктурой, нежеланием «вступать в противоречие с коллективом кафедры». Допустим, так оно и было. Сам Рорти на этот счет вполне откровенен: «[в начале 60-х гг.] я мечтал во всем походить на своих университетских коллег», стараясь «заслужить их уважение и признание»⁸. Для молодого философа, не лишённого профессиональных амбиций, желание быть частью «мейнстрима» вполне объяснимо и даже законно. Подавляющее количество докторов философии в США, включая выпускников неаналитических институций вроде Редлендса или Йеля, решают «стать аналитиками» исходя из карьерных соображений. Это не делает их *менее* аналитическими или профессиональными философами, как раз наоборот.

По мнению Логинова, попытки большинства комментаторов представить зрелого Рорти «разочарованным аналитиком» лишены оснований: Рорти не мог *разочароваться* в аналитической философии, поскольку никогда не был *очарован* ею. Однако само это утверждение представляется малообоснованным. В сочинениях Рорти и в материалах его архива, доступных теперь благодаря книге Гросса, достаточно свидетельств, которые не оставляют сомнений на данный счет. «Лингвистическая философия, – писал Рорти в середине 60-х гг., – добилась впечатляющих успехов в критике целой интеллектуальной традиции, ведущей от Парменида через Декарта и Юма к Брэдли и Уайтхеду. ...Результаты, полученные за последние 30 лет, ставят философию языка в один ряд с величайшими эпохами в истории мысли»⁹. Четверть века спустя в послесловии к очередному изданию антологии «Лингвистический поворот» Рорти признавался, что «с сожалением и стыдом» перечитывает эти строки. «В тогдашних своих рассуждениях я усматриваю желание 33-летнего философа убедить самого себя в том, что ему посчастливилось родиться в нужное время, что дисциплинарная матрица, в которой он оказался – та разновидность философии, которая преподавалась в 60-е годы почти повсеместно в англоязычных университетах, – представляет собой нечто большее, чем очередное академическое поветрие, очередная школьная буря в стакане воды... Философские контroversы, которые я с полной серьезностью обсуждал в 1965 году, уже через десять лет стали казаться достаточно эксцентричными. Ныне они выглядят совершенным анахронизмом»¹⁰.

«Гипотеза разочарованности», при всей ее спорности и открытости (многие, как Логинов, К. Уэст¹¹ или Дж. Ричардсон¹², полагают, что Рорти исповедовал прагматизм всегда, и только какое-то время маскировался под аналитика), хороша в одном существенном отношении: она подтверждается самим Рорти.

⁷ Gross N. Richard Rorty: The Making of an American Philosopher. Chicago: University of Chicago Press, 2008. P. 308.

⁸ Rorty R. Intellectual Autobiography // The Philosophy of Richard Rorty / Ed. by R. E. Auxier, L. E. Hahn. Chicago; La Salle: Open Court, 2010. P. 15, 11.

⁹ Rorty R. Metaphilosophical Difficulties of Linguistic Philosophy // The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method / Ed. by R. Rorty. Chicago: University of Chicago Press, 1967. P. 33.

¹⁰ Rorty R. Twenty-Five Years After // The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method. Chicago; L., 1992. P. 371.

¹¹ См.: West C. The American Evasion of Philosophy: A Genealogy of Pragmatism. Madison: University of Wisconsin Press, 1989. P. 194–198.

¹² Richardson J. Pragmatism and American Experience. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 165–187.